

Глава 27. Гуаньинь из человеческой кожи (4)

Сюн Бин посмотрел на Цэнь Цзиня, отметив, что тот говорил без малейшего выражения на лице, словно отпустил случайную шутку, чтобы разрядить обстановку.

Однако Сюн Бину, наёмнику, пересекавшему Сомали, доводилось видеть, как пират, сидя на пластиковом стуле на носу корабля и поедая лапшу быстрого приготовления, даже не поднимая головы, тоном, каким обычно говорят о погоде, бросал фразу о необходимости искоренить врага дочиста — и после этого вырезал всю команду судна конкурентов.

Сюн Бин нашёл, что Цэнь Цзинь чем-то похож на того пирата: слова его не поражали, вид был совершенно обычный, но, когда приходило время действовать, он наносил удар за ударом, ни на миг не сомневаясь и не осознавая, насколько ужасающими были его поступки.

Поразмыслив с минуту, он сказал:

— Я согласен с его предложением.

Цэнь Цзинь кивнул и обратился к Хо Сяотин и Вэнь Тунхуа:

— Вы остаётесь в комнате наблюдения и следите за передвижениями Гуаньинь из человеческой кожи. В случае крайней необходимости — предупредите по громкой связи.

— А что считать крайней необходимостью? — спросила Хо Сяотин.

— Крайняя необходимость наступит тогда, когда вы решите передать предупреждение, даже если Гуаньинь из-за этого вас выследит и убьёт.

— Поняла.

Вэнь Тунхуа был на грани срыва. Кому захочется навлекать на себя гнев этой твари ради них?

— Вы единственный взрослый из нас пятерых, — сказал Цэнь Цзинь, обращаясь к нему. — По идее, вы должны были отговорить четырёх старшеклассников от самоубийственной затеи, но вы не только этого не сделали, но и подлили масла в огонь, что привело к ужасной смерти Линь Му. Разве вы не должны взять на себя ответственность? Конечно, если вы — лицемер в благородном обличье, считайте, что я ничего не говорил. Можете и дезертировать, но дружеский совет: снаружи библиотеки не обязательно безопаснее, чем внутри.

Вэнь Тунхуа схватился за голову, готовый в любую секунду продемонстрировать, как выглядит нервный срыв у взрослого человека.

— Я переживаю внутреннюю борьбу, не испытывай меня!

— Я лишь помогаю вам сделать выбор в пользу «справедливости», — ответил Цэнь Цзинь и вышел из комнаты.

Сюн Бин последовал за ним, бросив на ходу Вэнь Тунхуа:

— Если бы ты видел, что стало с Линь Му, ты бы сейчас так не терзался.

Вэнь Тунхуа, охваченный ужасом и потерявший контроль над выражением лица, неподвижно сидел на месте. Внезапно он спросил Сюн Бина:

— Когда ты пришёл... Линь Му был ещё жив?

Сюн Бин покачал головой.

— С него содрали кожу, отрубили руки и вырвали глаза, когда он был ещё в сознании. Сильнейшая боль и обильная кровопотеря ускорили его смерть, так что он недолго мучился.

Услышав это, Вэнь Тунхуа умолк.

Когда силуэты Сюн Бина и Цэнь Цзиня исчезли на втором этаже, Хо Сяотин закрыла и заперла дверь, после чего села за пульт управления. Она внимательно всматривалась в мониторы, выискивая Гуаньинь из человеческой кожи, и вскоре её глаза начали болеть от напряжения.

Через некоторое время Вэнь Тунхуа сел рядом с ней и глухо произнёс:

— Я посмотрю с тобой.

Хо Сяотин ничего не ответила, лишь уголки её губ слегка дрогнули в улыбке.

Цэнь Цзинь поднялся в женский туалет на третьем этаже. В багровом свете луны всё было видно не слишком отчётливо, но достаточно, чтобы разглядеть общую картину. Тело Линь Му лежало между второй и третьей кабинками. Кожа ниже шеи была полностью содрана, липкая кровь залила весь пол. Глаз и рук на месте не было. Выражение его лица застыло в маске крайнего ужаса, словно перед смертью он увидел нечто невообразимо страшное.

— Почему мы не спешим спасти остальных? — спросил Сюн Бин, стоя в дверях.

— Гуаньинь из человеческой кожи не так быстра, — ответил Цэнь Цзинь. — Она слишком высокая, головой упирается в потолок, что затрудняет её передвижение. В узкие окна и вентиляционные шахты она пролезает, потому что набита соломой. Когда её тело сжимается в ширину, оно вытягивается в высоту, и наоборот. В любом случае, это мешает ей двигаться. Так что до четвёртого этажа она доберётся не скоро.

Сюн Бин, поражённый тем, сколько информации Цэнь Цзинь сумел извлечь из нескольких секунд размытого видео, с любопытством спросил:

— Да кто ты такой вообще?

Цэнь Цзинь подошёл к последней кабинке, заглянул в открытый сливной бачок и, помолчав мгновение, ответил:

— Бедный студент.

Слово «бедный» он произнёс чётко и с нажимом. Именно из-за бедности ему приходилось держаться за эту, очевидно, проблемную подработку. Жизнь — это вечный груз на плечах.

Он ожидал сочувствия, но Сюн Бин всё больше убеждался, что перед ним — скрытый мастер уровня «монаха-уборщика». Какой ещё бедный студент станет рисковать жизнью в схватке с призраком за жалкую почасовую оплату в тридцать шесть юаней? Какой обычный студент сможет с таким ледяным спокойствием говорить об убийстве Гуаньинь?

Нет, это определённо был умудрённый опытом мастер, скрывающий свой возраст и пришедший в мир, чтобы истреблять демонов.

Во время скучных дней в качестве наёмника Сюн Бин коротал время за китайскими веб-новеллами и был хорошо знаком с тропом «притворяться слабаком, чтобы одолеть тигра». Он следил за трендами и знал, что в последнее время снова стали популярны сюжеты о всемогущих героях, вернувшихся в мир. И, надо признать, это было довольно круто.

Мысль о том, что Цэнь Цзинь — скрытый мастер, успокоила его сердце, встревоженное встречей с аномалией. Он и сам был не из робкого десятка, а с такой опорой рядом чувствовал себя абсолютно уверенным в победе.

Цэнь Цзинь тем временем разглядел в унитазе наполовину обглоданную свиную ножку и озадаченно нахмурился. Гуаньинь предпочитает свинину человечине?

— Что ты там увидел? — громко спросил Сюн Бин.

Цэнь Цзинь вышел из кабинки.

— Ты проверял IP-адреса, с которых размещали заказ на Гуаньинь?

— Проверял. Все адреса из города Синьхай. Странно то, что все их владельцы сидят в тюрьме за преступления, а троих первых даже расстреляли.

— Расстрел — это за серьёзное преступление. Что они совершили?

— Убийство.

— Всех за убийство?

— Да.

— И последний тоже за убийство? Его расстреляли?

— Неясно, было ли это убийство, но он перехватил полицейскую машину, пытаясь похитить находившуюся в ней Гуаньинь из человеческой кожи, и применил оружие против полицейских. Полиции пришлось открыть огонь, чтобы его остановить. Ему удалось угнать машину с Гуаньинь, он пробил ограждение моста и рухнул в реку. В итоге выловили только машину и его труп. Гуаньинь исчезла.

Цэнь Цзинь кивнул. Они направились напрямиком на четвёртый этаж. Едва выйдя из лифта, они услышали шум со стороны туалета за пожарной дверью. Переглянувшись, оба поняли, что́ было источником шума.

Сюн Бин жестом показал, что он пойдёт в детскую комнату. Цэнь Цзинь кивнул и вошёл в соседний читальный зал.

Читальный зал был площадью около восьмидесяти квадратных метров. Здесь стояло множество удобных диванов и кресел. Справа располагалась кофейная стойка, а в левом верхнем углу — огромные панорамные окна с видом на зелёную зону снаружи. В центре зала оригинально разместили спиралевидный деревянный стеллаж с книгами и растениями. Идея была в том, чтобы, дочитав книгу, можно было просто оставить её на полке, а персонал каждый день бы всё убирал.

Но сегодня был особенный день, и на стеллаже царил беспорядок. Несколько книг лежали криво, на столе стояла недопитая чашка кофе, а кофемашина на стойке была невымытой. Создавалось ощущение, что все в панике бежали отсюда.

Го Чжицзе от скуки снимал всё вокруг. Он достал собачью кровь и разбрызгал её на стеллажи и столы, а потом в шутку размазал по кофейной стойке. Закончив, он сказал в камеру:

— Я не какой-нибудь хам, после съёмок всё уберу.

«Чёрта с два он уберёт», — подумал он. Всё равно сотрудники библиотеки не убрались, пусть завтра всё вместе и отмывают.

Го Чжицзе посмотрел на время и спросил у Вэнь Тунхуа, началось ли уже.

Радиа молчала. Го Чжицзе постучал по ней.

— Дрянное оборудование, нет сигнала.

Он решил найти место, чтобы спрятаться, и случайно взглянул в окно на огромную кровавую луну. От этого зрелища у него по спине пробежали мурашки.

— Чёрт, похоже на гигантский красный глаз, наблюдающий за Землёй, — пробормотал Го Чжицзе, прячась под стойкой бара. Он принялся читать комментарии в чате и вдруг услышал шорох, приближающийся издалека. Звук был похож на то, как если бы по полу тащили огромный мешок с чем-то.

Сердце Го Чжицзе сжалось от напряжения. Он внимательно прислушался, пытаясь определить источник звука, и медленно поднял взгляд к потолку. Вентиляционная шахта... неужели крыса?

Но какой же величины должна быть эта крыса?

Поколебавшись мгновение, он установил камеру так, чтобы она снимала происходящее, а сам спрятался в таком месте, откуда его не было видно, но он мог наблюдать за комнатой через объектив телефона. Его бы не заметили, если бы не заглянули за стойку бара.

Лязг. Бум.

Железная решётка вентиляции открылась, и из неё начала выбираться тёмная тень. Она извивалась, как мотылёк, с трудом освобождающийся из плотного кокона. Тень протискивалась наружу, сначала показалась голова, затем плечи, сдавленные до неузнаваемости, а потом... две руки, три... дюжина рук разом ухватились за край вентиляционной шахты. Эта жуткая сцена была в деталях запечатлена камерой.

Зрачки Го Чжицзе расширились. Он уставился на экран телефона, его тело неудержимо дрожало, зубы стучали, а горло перехватило так, что он отчаянно пытался закричать, но не мог издать ни звука.

Ван Ючжу... Ван Ючжу не врала, это действительно была Гуаньинь из человеческой кожи!

Гуаньинь слизывала собачью кровь. Её огромное, уродливое тело распласталось на полу, и она, словно обезумевший зверь, жадно поглощала кровь, двигаясь от панорамных окон к стеллажам. Го Чжицзе внезапно вспомнил, что больше всего крови он пролил на стойку бара, прямо над его головой. Скоро она будет здесь!

Го Чжицзе в панике хотел отползти, но его руки и ноги так сильно дрожали, что он случайно задел чашку.

Бах! — звук в мёртвой тишине читального зала прозвучал оглушительно.

Го Чжицзе замер и медленно повернул голову к экрану телефона. Гуаньинь у стеллажей обернулась в его сторону и поползла к нему. Слезы хлынули из его глаз. Ужас, так долго копившийся внутри, прорвался из груди и горла, готовый выплеснуться криком.

Именно в этот момент в дверях читального зала раздался громкий шум, отвлекший Гуаньинь. Она оставила стойку и метнулась к выходу.

Однако Го Чжицзе этого не заметил. Сильнейший испуг лишил его разума.

— А-а-а-а!

В тот миг, когда крик вырвался из его горла, чья-то рука внезапно зажала ему рот. Перед ним появился парень с жёлтыми волосами и, приложив палец к губам, велел молчать.

Рука сжимала его рот с огромной силой, Го Чжицзе не мог вырваться. Его зрачки сузились, он испуганно смотрел на желтоволосого.

— Успокоился? — спросил Цэнь Цзинь спустя некоторое время.

Го Чжицзе устало кивнул.

Цэнь Цзинь медленно убрал руку и, убедившись, что тот перестал кричать, с облегчением сказал:

— А теперь беги, быстро.

Перепуганный до смерти Го Чжицзе вцепился в Цэнь Цзиня, как в спасителя, и не отпустил, забыв даже про своё оборудование для трансляции.

Цэнь Цзинь обернулся, посмотрел на оставленный телефон, на секунду задумался, а затем резко потащил Го Чжицзе за книжный шкаф у двери. В следующую секунду в дверях появилась

Гуаньинь.

Она вошла в комнату, вынужденная наклонить голову, чтобы не упираться в потолок. Слепая зона не позволила ей заметить Цэнь Цзиня и Го Чжицзе. Но у неё было много рук. Она запустила их за стойку, но, раскрыв ладони, нашла только оборудование для трансляции.

Разбив телефон, она снова припала к стойке, слизывая собачью кровь. Двадцать шесть рук безвольно свисали по бокам, сжатые в кулаки.

Цэнь Цзинь хладнокровно наблюдал за происходящим. Он подал знак Го Чжицзе, чтобы тот пробирался к выходу, а сам последовал за ним.

Всё шло гладко, пока Го Чжицзе у самого выхода не наступил на невесть откуда взявшуюся куклу. Сработал какой-то механизм, и кукла разразилась пронзительным плачем, который мгновенно разорвал тишину библиотеки.

Зрачки Цэнь Цзиня сузились. Он собрался с духом.

— Беги!

Не говоря ни слова, он сорвался с места. Го Чжицзе, для которого теперь приказы были законом, делал всё, что говорил Цэнь Цзинь, потеряв способность мыслить самостоятельно и действуя исключительно на инстинктах выживания.

Цэнь Цзинь бежал впереди и крикнул Го Чжицзе, чтобы тот бежал в комнату наблюдения на втором этаже.

— А ты? Брат, желтоволосый брат, мне одному страшно!

— В комнате наблюдения есть люди. Я отвлеку Гуаньинь на пятый этаж. Ты будешь мне только мешать... — не успел он договорить, как Го Чжицзе уже мчался вниз по лестнице со скоростью легкоатлета.

— Желтоволосый брат, я не буду тебе обузой!

«...»

Цэнь Цзинь остановился на лестничной площадке и посмотрел на пожарную дверь. Убедившись, что Гуаньинь его видит, он развернулся и побежал наверх, опережая её, чтобы добраться до тринадцатого ряда стеллажей, где находились Сюн Бин и Фань Юанькай.

Сюн Бин, таща за собой Фань Юанькая, сидел на корточках под стеллажом. Выглядел он неважно.

— Почему не в комнате наблюдения? Где Ван Ючжу?

— Я отправил Ван Ючжу в комнату наблюдения на втором этаже, а сам поднялся за Фань Юанькаем. Нашёл его здесь, у стеллажа. Он стоял и смотрел сквозь щель на противоположную стену.

Они находились между тринадцатым и четырнадцатым рядами стеллажей. На полке четырнадцатого ряда не хватало одной книги, и в образовавшуюся щель шириной с ладонь была видна стена напротив.

Цэнь Цзинь посмотрел на оцепеневшего Фань Юанькая и спросил:

— Он что-то увидел?

— Когда я его оттащил, то заметил в стене пару глаз, — процедил Сюн Бин.

— Глаза за стеллажом? — задумчиво произнёс Цэнь Цзинь.

— Ты знаешь об этом?

— Это старая страшилка. Банальная история из дешёвых сборников пятнадцатилетней давности. Ты не похож на того, кто о таком не слышал.

— Я расследовал это дело. В телефоне дочери моего друга я видел, что она несколько раз упоминала глаза за стеллажом на четырнадцатом ряду пятого этажа. Я тогда не особо верил во всю эту чертовщину. Но в последнем заказе описывалось несколько городских легенд, и «глаза в стене» показались мне знакомыми, поэтому я, когда мы разделились, сразу пошёл сюда проверить. Но я ничего не увидел. Почему он смог их увидеть?

— Возможно, потому что ты силен духом и не являешься её целью.

— Что ты имеешь в виду?

— У меня есть предположение. Но его нужно проверить, — Цэнь Цзинь вытащил из-за пояса тесак и обошёл стеллаж. — Посмотрим, что там.

— Не боишься навлечь на себя ещё одну тварь?

Не успел он договорить, как из читального зала донёлся шум. Гуаньинь из человеческой кожи не погналась за Цэнь Цзинем, а продолжила двигаться по своему маршруту. Она открыла дверь читального зала и направилась в соседнюю детскую комнату, по пути остановившись у стойки администратора и холодно посмотрев в их сторону.

У Сюн Бина от этого взгляда по спине пробежал холодок.

— У этой твари есть какие-то ограничения? Например, на каждом этаже она должна идти по одному и тому же маршруту, не может сворачивать и убивать тех, кто не на её пути?

— Я бы назвал это обсессивно-компульсивным расстройством.

— ...?

Это же не игра, откуда тут правила и ограничения? Единственное объяснение — Гуаньинь была кем-то выращена и натренирована действовать по одному и тому же маршруту, что со временем выработало у неё условный рефлекс, как у собаки Павлова.

Сюн Бин ждал объяснений, но Цэнь Цзинь не собирался ничего объяснять.

Он рубил, резал и ковырял стену, пока наконец не проделал в ней небольшое отверстие. Ледяной поток ментального загрязнения тут же ударил Цэнь Цзиню в лицо, но тот, кто выдержал загрязнение уровня Дин Чжаоцина, не испугался этой жалкой угрозы.

Он продолжил копать глубже. Дзынь! — лезвие наткнулось на что-то твёрдое. Присмотревшись, он увидел прозрачную банку, в которой плавали два глазных яблока с обрывками нервных окончаний.

Глаза уставились на Цэнь Цзиня, источая безграничную злобу.

Цэнь Цзинь вытащил банку, бросил её в рюкзак и сказал Сюн Бину:

— Теперь в комнату наблюдения.

Сюн Бин взвалил Фань Юанька на спину и поспешил за ним. Лифт был быстрым, но если бы он сломался, им пришёл бы конец, поэтому они, не сговариваясь, побежали по лестнице. Пробегая мимо детской комнаты, они услышали, как молочно-белая дверь с грохотом вылетела с петель. Гуаньинь, с трудом протиснувшись в проём, протянула дюжину рук, пытаясь их схватить.

Цэнь Цзинь, отмахнувшись, отрубил коснувшуюся его руку и крикнул Сюн Бину:

— Беги вперёд!

Сюн Бин, неся Фань Юанькая, бросился бежать. Цэнь Цзинь же решил сначала оторваться от Гуаньинь, а потом присоединиться к ним в комнате наблюдения. В конце концов, в узких помещениях Гуаньинь была медлительна, и оторваться от неё должно было быть легко.

Цэнь Цзинь хладнокровно лавировал между стеллажами, собираясь спуститься на четвёртый этаж. Внезапно краем глаза он заметил, как Гуаньинь перевернулась на месте. Её трёхметровое тело с грохотом рухнуло на пол, ноги согнулись назад под неестественным углом, а оставшиеся двадцать пять рук упёрлись в землю. Словно паук, она стремительно бросилась вперёд.

— Чёрт!

Лицо Цэнь Цзиня изменилось. Его беззаботное настроение мгновенно улетучилось. Он никак не ожидал, что у Гуаньинь есть вторая форма.

В паукообразной форме Гуаньинь была невероятно проворной. В мгновение ока она взобралась на потолок над Цэнь Цзинем и бросилась на него. Цэнь Цзинь взмахнул тесаком, целясь ей в шею. Лезвие прорезало кожу, обнажив солому внутри. Но Гуаньинь не чувствовала боли. Она схватила руку Цэнь Цзиня и с силой потянула.

Резкая боль пронзила плечо. Цэнь Цзинь отрубил руку твари, перекатился ей на спину и нанёс глубокий удар по позвоночнику. Из раны посыпалась солома. Руки по бокам её тела беспорядочно двигались. Суставы, к которым крепились руки, представляли собой круглые впадины, которые сокращались, втягивая и выталкивая конечности. От этого зрелища у Цэнь Цзиня по коже побежали мурашки.

Это была анатомия, чуждая всему живому на Земле, вызывающая первобытный страх и оцепенение.

Все руки согнулись и разом устремились к Цэнь Цзиню, хватая его за лодыжки и предплечья. Шея Гуаньинь повернулась на триста шестьдесят градусов, явив нечеловеческое лицо. Две ладони на её плечах раскрылись, и глаза-опухли в их центре уставились на Цэнь Цзиня. Рот под ними распахнулся, обнажив плотные ряды зубов, на которых застряли куски плоти.

Цэнь Цзинь напрягся, пытаясь вырваться, но сила Гуаньинь была чудовищной. Её голова была уже совсем близко, раскрытая пасть метнулась к его шее.

Внезапно раздался выстрел. Половина головы Гуаньинь разлетелась на куски, открыв вид на вернувшегося Сюн Бина.

Цэнь Цзинь воспользовался моментом. Вывихнув запястье, он освободил руку, схватил тесак и

отрубил удерживающие его конечности. Другой рукой он выхватил из-за голенища западный кухонный нож и вонзил его в глаз на правой ладони Гуаньинь.

— А-а-а! — взвыла Гуаньинь и, катаясь по полу, в агонии крушила стеллажи. Библиотека погрузилась в хаос.

Цэнь Цзинь перепрыгнул через поваленные стеллажи и бросился бежать. Разъярённая Гуаньинь преследовала его, заблокировав лестницу. Им пришлось воспользоваться лифтом. За несколько секунд они спустились на второй этаж. Едва они вышли, как сверху раздался оглушительный грохот. Гуаньинь прыгнула в шахту лифта и рухнула на крышу кабины. Лифт, потеряв управление, вместе с тварью полетел вниз, на первый этаж.

Сюн Бин выглянул в шахту.

— Чёрт! Она нас видела.

Они быстро вернулись в комнату наблюдения и захлопнули дверь. Громкие звуки снаружи всё ещё отдавались в ушах, и сердца колотились от пережитого.

— Вот это похлеще, чем пересекать Сомали, — выдохнул Сюн Бин, тяжело дыша.

— Долго прятаться не получится, — сказал Цэнь Цзинь. — Нужно придумать, как от неё избавиться.

Вэнь Тунхуа ухаживал за оцепеневшим Фань Юанькаем. Го Чжицзе и Ван Ючжу, дрожа, сидели в углу. Хо Сяотин с серьёзным видом смотрела на мониторы. Внезапно её лицо изменилось.

— Происшествие! — в панике крикнула она.

Все взгляды устремились к ней.

— Бронзовая статуя на площади ожила! — испуганно произнесла Хо Сяотин. — Её медная оболочка отслоилась, и из неё, словно из кокона, выбралась фигура, похожая на человека без кожи. Она подошла к главному входу в библиотеку, но не смогла войти. Постояв немного, она ушла.

Хо Сяотин повернулась к Цэнь Цзиню с изумлением.

— Ты говорил, что статуя живая... ты уже тогда что-то заподозрил? Мастер!

— Я не мастер.

— Желтоволосый не мастер, не надо его разоблачать, — подыграл Сюн Бин и спросил Цэнь Цзиня: — Хуанмао, что теперь будем делать?

«Нервный, что ли?» — подумал Цэнь Цзинь.

— Во-первых, свяжите Ван Ючжу и заткните ей рот. Во-вторых, Хо Сяотин, отдай мне ту страницу, что ты вырвала в подвале. В-третьих, не отбирайте у меня подработку, — на одном дыхании выпалил Цэнь Цзинь.

— Зачем связывать Ван Ючжу? — одновременно спросил Вэнь Тунхуа.

— Откуда ты знаешь, что это я вырвала газету? — в тот же миг спросила Хо Сяотин.

Цэнь Цзинь не успел ответить, как Сюн Бин уже связал Ван Ючжу, нашёл полотенце, засунул ей в рот и доложил:

— Готово.

Хо Сяотин достала из кармана обрывок газеты и протянула Цэнь Цзиню.

— Теперь объяснишь?

Цэнь Цзинь развернул обрывок и пробежал глазами текст. Сопоставив информацию с тем, что он видел в подвале, и рассказами остальных, он глубоко вздохнул.

— На рваных краях газеты не было пыли. Значит, её оторвали недавно. В тот день в подвал спускались только мы с тобой. А Ван Ючжу нужно связать, потому что это она, одержимая призраком, разместила заказ и заманила вас сюда на смерть.

— Что?!

Все были в ужасе. Го Чжицзе, сидевший рядом с Ван Ючжу, подпрыгнул на три фута и вцепился в Вэнь Тунхуа.

Точнее говоря, она была одержима аномалией, но для простоты понимания Цэнь Цзинь использовал слово «призрак».

— Давайте восстановим картину событий, — сказал он. — Начнём с момента, когда откопали бронзовый гроб. Но сразу предупреждаю: бóльшая часть этого — мои догадки и

предположения, не обязательно правда. Если выслушаете и примете — хорошо. Не примете — тоже не страшно, делу это не помешает.

— В 2003 году откопали бронзовый гроб, что привело к гибели людей. В том же году гроб переплавили и отлили из него бронзовую статую. Прототипом для этой статуи послужила не сорокадвухрукая Гуаньинь из гроба, а находившееся там же тело.

— Откуда ты знаешь, что в гробу было ещё и тело? — опешила Хо Сяотин. — В новостях об этом не говорилось.

Цэнь Цзинь достал обрывок газеты и указал на одну строчку.

— «В день открытия библиотеки господин Ли попросил меня сфотографировать бронзовую статую в центре площади. Когда я увидел её, она была как живая, с лицом, подобным полной луне. Если бы она открыла глаза, они бы непременно лучились материнской любовью. Жаль, что я не дождался того дня, когда она наденет новое платье». Эта фраза — самая странная во всей статье. На первый взгляд, это похвала статуе, но у прототипа статуи есть две версии: либо мать Ли Чжэньчжуна, либо Гуаньинь из гроба. Мать Ли Чжэньчжуна ещё жива. Отливать статую матери из меди, в которой погибли люди, было бы слишком «сыновним» поступком. Остаётся второй вариант — прототипом послужило нечто из гроба. Если бы это была статуя Гуаньинь, автор вряд ли использовал бы слово «любовь», применимое к старшим, и не писал бы, что ждёт, когда «она наденет новое платье». Ждать, что статуя Гуаньинь наденет новое платье? Слишком странно. Поэтому я смело предположил, что в гробу, помимо статуи Гуаньинь, находилось нетленное женское тело.

— Кроме того, обычный человек, открыв гроб и увидев статую Гуаньинь, счёл бы её источником зла. В фильмах ведь полно образов «ложных Будд» и «ложных Гуаньинь». Логично было бы предположить, что зло — это именно статуя. Если следовать этой логике, почему тогда переплавили только гроб? И почему статую всё же отлили в образе Гуаньинь? Наконец, в газете есть изображение статуи Гуаньинь, и оно ничуть не похоже на статую на площади. Всё это доказывает, что статуя на площади — это не Гуаньинь, а в гробу, помимо неё, находилось ещё и женское тело.

Сюн Бин и остальные с некоторым изумлением слушали его поразительные умозаключения. Надо сказать, без определённого воображения к такому выводу прийти было невозможно. В обычной ситуации подобные рассуждения сочли бы за буйную фантазию.

Но сейчас ситуация была ненормальной, и потому доводы Цэнь Цзиня звучали весьма убедительно.

Хо Сяотин молча, с непроницаемым лицом, слушала Цэнь Цзиня.

— Отсюда первый вывод: в гробу, кроме статуи сорокадвухрукой Гуаньинь, находилось нетленное женское тело, с которого, к тому же, была содрана кожа ниже шеи.

— А то, что с неё содрана кожа, ты определил, потому что тринадцать человек погибли точно так же, и именно поэтому в статье было написано «наденет новое платье»? — подхватил Сюн Бин. — Новое платье — это одежда из человеческой кожи? Если следовать этой логике, то у женского тела в гробу должны быть вырваны глаза и отрублены руки. Руки неизвестно где, а глаза... неужели это те самые глаза в стене за стеллажом на пятом этаже?

— Верно. А её отрубленные руки — это две лишние руки у Гуаньинь из человеческой кожи. Отсюда второй вывод: женское тело находится внутри бронзовой статуи. А её глаза, находящиеся в стене, каждые четыре года одурманивают человека, делая его своим слугой-призраком, чтобы тот находил трёх человек, сдирает с них кожу, отрубал руки и вырывал глаза, чтобы сшить для неё новое платье. Когда она вырвется из своей оболочки, она придёт за этим платьем. Из этого следует, что убийца — это одурманенный человек, то есть владелец IP-адреса, с которого был размещён заказ.

Вот почему Организация не занималась этим делом. Ментальное загрязнение от женского тела было заблокировано статуей, что привело к неверной оценке уровня опасности. К тому же, глаза в стене действовали лишь раз в четыре года, одурманивая одного слугу, и уровень их ментального загрязнения не дотягивал даже до обычного.

Множество факторов позволило этой аномалии избежать зачистки.

К тому же, все убийства были совершены людьми, преступников арестовывала полиция и приговаривала к смертной казни. Информация о жестоких убийствах не просачивалась в сеть и новости не потому, что некая всемогущая сила её удаляла, а по воле самой полиции.

Первый раз — трое убитых, преступник пойман.

Второй раз — снова трое убитых, тот же почерк. Полиция считает это подражанием.

Третий раз — абсолютно тот же почерк. Это окончательно убеждает полицию в версии с подражанием, и они блокируют любую утечку информации, связанной с убийствами в библиотеке.

Такое стечение обстоятельств, по иронии судьбы, только помогло аномалии продолжать свои дела.

— То есть ты хочешь сказать, что Ван Ючжу и есть та, кто разместил заказ? Она одержима? — спросил Вэнь Тунхуа.

— Каждый одержимый размещает заказ, чтобы заманить четверых в центр площади. Из осторожности, некоторые заманивают по одному. Во время полнолуния ментальное загрязнение статуи, вероятно, достигает пика. С её помощью слуга-призрак сдирает кожу, отрубает руки и вырывает глаза. Убив троих, слуга заманивает четвёртого, чтобы сделать его своим преемником, после чего его арестовывает полиция и он умирает, завершая дело. Когда в

следующий раз происходит убийство, его считают подражанием, и никто не думает об аномалиях.

Мышцы на щеках Вэнь Тунхуа дёрнулись.

— Так значит, Фань Юанькай тоже одержим? Надо его связать!

— Он не так быстро станет слугой. Думаю, раз они действуют раз в четыре года, это может быть потому, что на одурманивание одного человека уходит некоторое время, — смело предположил Цэнь Цзинь.

Одурманивать одного человека четыре года, не слишком ли неэффективно?

— Какой бы неэффективной она ни была, тринадцать человек уже погибли, — напомнила Хо Сяотин.

Все тут же насторожились.

Вэнь Тунхуа осторожно приблизился к молчавшей Ван Ючжу. Эта девочка, ей всего шестнадцать, никак не походила на безжалостного убийцу.

— Ван Ючжу? Ты ведь в сознании, скажи что-нибудь.

Ван Ючжу, не двигаясь, внезапно вскочила, оскалив зубы. Её глаза горели яростью, она смотрела на Вэнь Тунхуа так, словно хотела сожрать его заживо. Вид у неё был безумный и ужасающий.

Теперь все поверили, что она действительно одержима.

Вэнь Тунхуа в ужасе отполз.

— Чёрт, чёрт, до смерти напугала! Нет, брат Хуанмао, откуда ты узнал, что она одержима?

Цэнь Цзинь уже оставил попытки поправить его, что он не «желтоволосый».

— Она действительно видела Гуаньинь из человеческой кожи. Не прячься за мусорным баком, а лицом к лицу. Потому что из вас пятерых только она смогла точно описать её облик. Она прятала куклу в детской комнате на четвёртом этаже. Когда я выводил Го Чжицзе из читального зала, у самого выхода я наступил на куклу, которую она специально оставила, чтобы привлечь внимание Гуаньинь.

— Точно! — воскликнул Го Чжицзе. — Я тогда ещё удивился, откуда там кукла. Так это её рук дело!

— И, возможно, это она придумала все эти страшилки про библиотеку, — продолжил Цэнь Цзинь. — Кроме рук в сливном бачке и глаз в стене, которые были реальными, всё остальное — выдумка. Только вы, несколько человек, знали об этих историях. Сюн Бин, когда проводил расследование, нашёл только старую байку про глаза в стене на пятом этаже. Кроме того, первые четыре серии убийств произошли за пределами библиотеки, и только это — внутри. И ещё, охранник говорил, что в библиотеке никогда не было убийств. Отсюда вывод: страшилки придуманы недавно. Зачем? Точно не знаю. Моё предположение — чтобы приручить Гуаньинь из человеческой кожи.

— Если вред причиняет статуя, а убивает слуга-призрак, почему в этот раз Линь Му убила Гуаньинь? — спросила Хо Сяотин.

— Потому что Гуаньинь из человеческой кожи не желает становиться новым платьем для женского тела из статуи.

— Что ты имеешь в виду? — не поняла Хо Сяотин.

— Глаза в стене, — пояснил Цэнь Цзинь, — это порождение сильной остаточной ненависти жестоко убитых людей, их кожи, отрубленных рук и глаз, которые под влиянием загрязнения от женского тела в статуе превратились в новую аномалию. Глаза хотят завладеть кожей, поэтому они одурманили предыдущего слугу, чтобы тот украл все руки и кожу. Из кожи сшили человекоподобную фигуру, набили её соломой и теперь управляют Ван Ючжу, чтобы та заманивала людей, а Гуаньинь их убивала. Вероятно, из-за неопытности методы управления ещё не отточены, поэтому они используют придуманные страшилки, чтобы приучить Гуаньинь к определённому маршруту. Что касается того, почему она сшита в образе Гуаньинь, это, скорее всего, связано с той статуей Гуаньинь, что была в гробу. Какая именно связь — не спрашивайте, я не знаю, я не всевидящий. Информации мало, это всё, что я смог предположить.

«Всего лишь»?!

Да он был настолько гениален, что им оставалось только преклоняться, Хуанмао!

— Третий вывод: Ван Ючжу — слуга-призрак. Глаза в стене и Гуаньинь из человеческой кожи не желают становиться новым платьем для женского тела из статуи. Четвёртый вывод: женское тело из статуи выбралось наружу, чтобы забрать своё новое платье. Пятый вывод: аномалии, порождённые загрязнением от аномалии более высокого уровня, до тех пор, пока не поглотят её, по уровню опасности уступают своему «родителю». Следовательно, глаза в стене и Гуаньинь из человеческой кожи определённо не смогут победить женское тело из статуи.

Сюн Бин и остальные не совсем поняли термины «высшая аномалия», «загрязнение» и «уровень опасности» — видимо, это был профессиональный жаргон мастеров, — но суть

последней фразы уловили все.

— Шестой вывод, — Цэнь Цзинь принялся неторопливо соскребать грязь из-под ногтей лезвием тесака, — человек наиболее незащищен, когда одевается или раздевается. То же самое касается и аномалий. Когда аномалия надевает новое платье, она наиболее уязвима.

— И что ты собираешься делать? — не удержалась Хо Сяотин.

— Пока она будет наряжаться, я отправлю её к праотцам.

<http://bllate.org/book/13658/1586961>